

Стратег Чесменской победы Г.А. Спиридов – русский флотоводец.

(31 января 2023 г. 310 лет со дня рождения).

Сражения и победы

Выдающийся российский флотоводец, полный адмирал (1769 г.).

Долгая военно-морская карьера вела адмирала в Средиземное море - к его главной битве при Чесме. Тогда в течение одной ночи турки потеряли в Чесменской бухте 63 корабля - линейные, каравеллы, галеры, галиоты. Потери турок составили более 10 000 человек. Потери русской объединенной эскадры составили 11 человек: 8 - на линейном корабле «Европа», 3 - на линейном корабле «Не тронь меня».

Будущий флотоводец родился в 1713 г. семье дворянина Андрея Алексеевича Спиридова (1680-1745), служившего во времена Петра I комендантом в Выборге. С раннего детства Григорий оказался связан с морем. Уже в 10 лет он был записан вольноопределяющимся на корабль и пять лет подряд выходил в море в качестве волонтера. В 1728 г., сдав экзамены на знание морских наук, он был произведен в гардемарины и вступил на действительную

военную службу. Молодой морской офицер был направлен на Каспийское море, в Астрахань, где несколько лет, командуя гекботами (трехмачтовыми грузовыми судами) «Св. Екатерина» и «Шах-Дагай» совершал рейсы до берегов Персии. Здесь он участвовал в работах А.И. Нагаева, в будущем известного гидрографа и адмирала, а пока - лейтенанта, производившего опись Каспийского моря.

В 1732 г. Спиридов был переведен в Кронштадт, откуда совершал ежегодные плавания по Балтике. Его усердие к службе не осталось без награды - он досрочно получил чин мичмана. В феврале 1737 г. последовало новое назначение - в Донскую флотилию, где он становится адъютантом «ранга капитанского» ее командира, вице-адмирала П. П. Бредая. Эта должность позволила Спиридову приобрести первоначальный боевой опыт - флотилия участвовала в борьбе за Азов в ходе русско-турецкой войны 1735-1741 гг.

Е.В. Пасхина. Адмирал флота Григорий Спиридов. 2005 г. или позднее. Рельеф, бронза. Аллея полководцев, Ярославль

шла успешно - сравнительно молодой моряк неоднократно получал ответственные поручения. Так, в 1747 г. он командовал фрегатом «Россия», на котором отправился в Киль принц Голштинский Август; в 1749 г. его откомандировали присутствовать в московской адмиралтейской конторе; в 1750 он командовал придворными яхтами.

В 1754 г. Спиридов, уже капитан 3-го ранга, был послан в Казань для организации доставки корабельного леса в петербургское Адмиралтейство. Несмотря на то, что он не испытывал особого желания принимать на себя это ответственное поручение, выполнил он его вполне успешно, и по возвращении их Казани, в 1755 г., стал членом комиссии по рассмотрению регламента для флота, а в следующем году был назначен ротным командиром в Морской корпус.

Ежегодные плавания обогатили опыт Спиридова как морского офицера, но его (и всего Балтийского флота) боевой опыт был мал. Лишь в 1760–1761 гг. Г.А. Спиридову впервые довелось участвовать в масштабной военной операции - борьбе за померанскую крепость Кольберг в ходе Семилетней войны. Эта мощная крепость была окружена рвом и болотами,

В 1741 г. Г. А. Спиридов получает назначение в Архангельский порт, и жизнь его на три с лишним десятилетия оказывается связана с северными морями. Дважды ему довелось совершить трудный переход из Архангельска в Кронштадт на только что построенных кораблях (в 1742-1743 и 1752 гг.); после перевода на Балтику он ежегодно совершал плавания из Кронштадта по Балтийскому морю и по Неве. Служба

среди которых располагались отдельные выдвинутые верки, на возвышенности, господствующей над местностью, находилась цитадель. Для русской армии овладение Кольбергом имело большое значение, так как она приобрела бы тем самым стратегически выгодный плацдарм в Померании и возможность снабжения армии морским путем, более дешевым и быстрым, чем сухопутная дорога через Польшу.

Первая попытка взять Кольберг была предпринята еще в 1758 г., но окончилась неудачей. И вот в 1760 г. осада повторилась. Спиридов участвовал в ней, командуя кораблем «Св. Дмитрий Ростовский»; в походе его сопровождали малолетние сыновья, 8 и 10 лет от роду. Эта попытка тоже окончилась неудачей - несмотря на значительные силы, стянутые к крепости, между сухопутными и морскими силами отсутствовало взаимодействие, к тому же слухи о подходе на помощь осажденным 6-тысячного прусского корпуса генерала Вернера произвели смятение в стане осаждающих, и русская армия поспешно отошла от города.

Наконец, в конце лета 1761 г. действия против «досадной нам крепостцы» возобновились, причем теперь против нее действовал 15-тысячный корпус П.А. Румянцева. В помощь ему к Кольбергу прибыл соединенный русско-шведский флот в составе 24 линейных кораблей, 12 фрегатов и бомбардирских кораблей, большого количества транспортных судов под командованием вице-адмирала А.И. Полянского, доставивший 7-тысячное подкрепление. Уже сама численность войск показывает, сколь большое значение придавалось овладению Кольбергом. Спиридов в этой кампании командовал кораблем «Св. Андрей Первозванный». Блокада крепости со стороны моря продолжалась с 14 августа по 26 сентября. Бомбардирские корабли, на которых находился командующий Кронштадтской эскадрой С.И. Мордвинов, были поставлены против неприятельских батарей. В помощь осадному корпусу был высажен двухтысячный десант, начальство над которым было поручено «г-ну флота капитану Григорию Спиридову». Этот отряд сначала участвовал в выгрузке провианта, а затем был направлен в бой, причем командир его вновь проявил себя с самой лучшей стороны. Мордвинов писал императрице, что он «неоднократно о храбрых поступках флота капитана Спиридова слышал, в чем и данный ему Спиридову от гр. Румянцева аттестат засвидетельствует». Однако увидеть итог операции - падение Кольберга - ни Мординову, ни Спиридову не довелось: недостаток в провианте и в дровах заставил флот в середине октября возвратиться в Кронштадт.

В 1762 г. Спиридов, произведенный в контр-адмиралы, командовал эскадрой, отправленной в крейсерство к берегам Померании. Эскадра стала на рейде в Кольберге, откуда по два корабля поочередно отправлялись в плавание. Служба шла спокойно, ни захватывать чужие транспорты, ни охранять свои необходимости не было - военные действия уже прекратились. В августе 1762 г. эскадра в составе 7 кораблей вернулась в Ревель, вошла в гавань и там разоружилась.

Портрет Г.А. Спиридова на марке Почты СССР. 1987 г.

И вновь спокойное и стабильное продвижение по службе. 4 мая 1764 г. Спиридов был произведен в вице-адмиралы, командовал Кронштадтской эскадрой. Затем, с июля того же года, заменил заболевшего адмирала Полянского в качестве командира Ревельского флота,

а в октябре, после смерти Полянского, стал главным командиром Ревельского порта. В этой должности он оставался год - в декабре 1765 г. он был переведен главным командиром порта в Кронштадт. В 1768 г. он присутствовал при опытах по новой системе оснастки и парусов, разработанной С.К. Грейгом на основе английской системы, и должен был дать по ней официальное заключение. Мнение Спиридова отличалось взвешенностью: новая система, облегчая оснастку, действительно увеличивала ход судна; но она была применима далеко не на всех кораблях. Поэтому капитанам кораблей было предложено самостоятельно решать вопрос, вводить ли на своем корабле новшество или оставить все по старинке.

Такова была морская карьера Г.А. Спиридова к моменту начала русско-турецкой войны 1768-1774 гг., которая стала его звездным часом. Когда в Петербурге по проекту А.Г. Орлова был составлен смелый и широкий план комбинированных действий на суше и на море у турецких берегов, имевших целью поднять против турок население Балканского полуострова и Архипелага, командовать эскадрой было поручено Спиридову. Секретный указ от 20 марта 1769 г. гласил:

Мы поручили нашему вице-адмиралу Спиридову некоторую экспедицию, чего ради адм.-коллегия имеет чинить ему по его требованию всевозможные вспоможения.

Цели похода держались в тайне, подвыпившие матросы на берегу говорили о походе на Азов. 4 июня 1769 г. Спиридов был произведен в адмиралы и официально назначен командующим над снаряженным для похода флотом.

Как оценивать это назначение? Французский дипломат и политический писатель К. Рюльер характеризовал Спиридова как человека прямого, простого и мужественного, нрава грубого, но легкого. По его мнению, своим возвышением Спиридов обязан братьям Орловым, которых знал, когда сам он был морской унтер-офицер, а они были сержантами. Он возвысился вместе с ними, хотя был совершенно лишен опыта и таланта, и оставался командующим флотом только по имени, оставляя труды англичанину Грейгу, а славу - графу Орлову. Малоспособным человеком именовал Спиридова и другой француз, историк конца XVIII в. Ж.-А. Кастера. К сожалению, с ними частично соглашается и отечественный историк Вл. Плугин, характеризуя Григория Андреевича как «почтенного, но вполне заурядного служаку».

Несомненно, все эти характеристики имеют истоком враждебное отношение правительства Франции к Средиземноморской экспедиции русского флота и ее руководителям. Конечно, Спиридов не мог быть обязанным своей карьерой Орловым, хотя бы потому, что в год рождения старшего из них, Ивана (1733), ему было уже 20 лет и 10 из них он нес морскую службу. Это не исключает, разумеется, того, что он был с Орловыми знаком, и они могли содействовать его продвижению на более поздних этапах карьеры. Но и до Орловых у него было кому замолвить за него слово - Бредаль, Мордвинов, Полянский... Все это достаточно заметные фигуры в русском флоте того времени, и все они ценили усердие и таланты Григория Александровича. Что касается опыта, которого якобы был лишен Спиридов, то здесь следует сделать оговорку - и принципиально важную. На своем многотрудном пути к адмиральскому званию он служил на всех морях, где Россия имела хоть какие-то морские формирования. Он прошел весь путь морского служения, начиная с самых нижних чинов; к моменту Чесмы его служба длилась почти полвека. Он выполнял ответственные поручения Адмиралтейства. Можно ли говорить об отсутствии опыта у такого человека? Недостаток опыта, который ему приписывают, был не его личным недостатком, а недостатком всего русского флота, который прежде никогда не совершал дальних морских походов. Но винить в этом самого Спиридова или кого-либо еще - бессмысленно и несправедливо. Покровительствовали ему Орловы или нет, но на тот момент Спиридов, несомненно, был наиболее достойной фигурой для руководства походом к берегам Турции.

Задача, поставленная перед эскадрой, была трудная - флот не был приспособлен к такому долгому походу, многие суда подтекали. Для предотвращения течи подводную часть

кораблей срочно стали обшивать дюймовыми досками с прокладками из овечьей шерсти; работа шла ускоренными темпами - императрица торопила с выступлением в поход. Наконец, 18 июня государыня лично осмотрела готовые в путь суда, и в ту же ночь эскадра снялась с якоря. Всего в плавание вышли 7 линейных кораблей (84- и 66-пушечных), 36-пушечный фрегат и 7 мелких судов. Сам Спиридов держал флаг на «Евстафий». Рескрипт императрицы предписывал ему «привезти сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию контрабанды». Таким образом, полномочия Спиридова были велики - он мог самостоятельно выдавать каперские свидетельства, мог издавать манифесты к «варварским республикам для отвращения их от турецкого повиновения»; на чрезвычайные расходы ему выдали 480 тыс. рублей.

Плавание было трудным. Еще в Балтийском море эскадру сильно трепали штормы - «наступили столь сильные и мрачные погоды с большой стужею, что редко когда половину эскадры видеть было можно». Приходилось делать долгие остановки для сбора отставших и ремонта пострадавших от бурь судов. Еще хуже было то, что команды были непривычны к таким долгим плаваниям - от перемены воздуха, влажности, холода, качки, плохого питания матросов косили болезни. К 25 сентября на эскадре было уже свыше 600 больных, более сотни человек умерло; 83 человека умерли во время долгой стоянки в английском порту Халл. В этих условиях Спиридов принял единственно правильное решение - разрешил капитанам кораблей продолжать дальнейший путь «по способности», назначив точку рандеву в Гибралтаре (позже он перенес место сбора в Порт-Магон на острове Минорка). Сам он 10 октября отплыл из Халла с четырьмя кораблями и 18 ноября, наконец, добрался до Порт-Магона на своем «Евстафий»; остальные корабли отстали во время плавания.

Наступили месяцы ожидания. К концу декабря подтянулись еще 3 линейных корабля и 4 мелких судна; последние корабли подошли лишь в мае 1770 г. Они были в плачевном состоянии - «редко кто не требовал, от претерпевания жестоких бурь и валов, нужного исправления». Сам Спиридов, чье здоровье никогда не отличалось крепостью, почти в каждом письме жаловался на слабость и болезни. Он в это время пережил личную трагедию - умер его младший сын, зачисленный (как и его брат) в Архипелагскую экспедицию «ради практики в дальних вояжах».

Задержка флота у Порт-Магона сыграла роковую роль в реализации далеко идущих планов А.Г. Орлова - она позволила туркам усилить свои гарнизоны, снабдить их запасами продовольствия и принять другие меры к тому, чтобы помешать успеху освободительного восстания на Балканах. И все-таки в феврале-марте 1770 г. эскадра смогла перейти к активным действиям, сперва сухопутным, а затем и морским. По мнению Спиридова, надлежало прежде всего укрепиться на побережье, а уж затем поднимать всеобщее восстание. Поэтому 24 марта 1770 года он отправил отряд судов (два линейных корабля - «Иануарий» и «Три Святителя» и зафрахтованный Орловым венецианский 20-пушечный фрегат «Св. Николай») под общим командованием бригадира артиллерии Ивана Абрамовича Ганнибала (двоюродного деда А. С. Пушкина), к Наварину. 10 апреля 1770 г. крепость Наварин пала. Русские моряки завладели одной из самых удобных баз на Пелопоннесе - в ее гавани мог бросить якоря флот любого размера, узкий вход в нее был защищен укреплениями с обеих сторон.

Однако успех этот не получил дальнейшего развития. В результате просчетов при планировании сухопутных операций турки смогли разбить десантные отряды, оттеснить их к Наварину и начать осаду крепости с суши. В то же время стало известно, что большая турецкая эскадра готовится атаковать русских с моря. В этих условиях Наваринская гавань могла стать для флота ловушкой, и Спиридов с четырьмя линейными кораблями был направлен на соединение со второй русской эскадрой, которую привел адмирал Д.

Эльфинстон. Однако здесь в дело вступил «человеческий фактор»: Эльфинстон, не желая подчиняться Спиридову, высадил десант, который по суше направился к Наварину, а сам, узнав, что вражеский флот находится в бухте Наполи-ди-Романья, направился туда. Это была губительная самоуверенность: он имел всего лишь три линейных корабля, один фрегат и три транспорта. Турецкая эскадра, которую он увидел 16 мая 1770 года, насчитывала свыше двадцати вымпелов, из них 10 линейных кораблей и 6 фрегатов. Тем не менее, русская эскадра двинулась вперед и вступила в бой с передовыми кораблями турок. Не выдержав артиллерийского огня, турки отступили под защиту орудий крепости Наполи-ди-Романья. Эльфинстона спасла случайность: турки почему-то не решились сразу атаковать русский флот - может быть, они сочли его за авангард всех русских сил. Как бы то ни было, Эльфинстон осознал невозможность сражения с турецким флотом, находящимся под защитой береговых батарей, отошел на безопасное расстояние и двинулся на соединение со Спиридовым.

22 мая эскадры Эльфинстона и Спиридова, который попутно принял к себе на борт десант, высаженный Эльфинстоном, благополучно соединились, и между адмиралами состоялось выяснение отношений. Эльфинстон, несмотря на то, что по чину он был младше Спиридова, заявил, что считает себя равным ему. Не придя к согласию, адмиралы, тем не менее, перешли к совместным действиям, стараясь навязать туркам бой. Однако все попытки были тщетны. Тем временем, 11 июня, к ним присоединился А.Г. Орлов, который, обнаружив «командиров между собою в великой ссоре, а подкомандных в унынии и неудовольствии», поднял на «Трех иерархах» кайзер-флаг, означавший, что все приказания, идущие с этого корабля, отдаются именем императрицы.

В конечном счете в районе острова Милос собралась вся русская эскадра - корабли, которые подтянулись из разных мест и были готовы к морской баталии. Узнав, что турки группируют свои силы за островом Паросом, эскадра двинулась туда - но противника там уже не было. Замысел турок состоял в том, чтобы заманить русский флот в лабиринты Архипелага с его множеством островов, тем временем стянуть все свои силы - и нанести решительный удар. Правда, капудан-паша Ибрагим Хасан-эд-дин был известен своей нерешительностью, но его помощник, алжирец Гассан-паша, фактический руководитель турецкого флота, опытный моряк и храбрый флотоводец, обещал султану уничтожить русский флот, подведя свои суда вплотную к русским кораблям и взорвав свои крьюйт-каморы, что поведет к гибели как турецких, так и русских кораблей вместе с людьми. Тогда большинство турецкого флота, численно значительно превосходящего русский, останется целым и победит. Если даже военнопленные, со слов которых это было известно, что-то преувеличивали, план этот очень напоминал то, что в дальнейшем осуществил русский флот при Чесме.

23 июня объединенная русская эскадра после разведки, выяснившей местонахождение турецких судов, подошла к проливу между островом Хиос и входом в Чесменскую бухту на побережье Малой Азии. Здесь команды кораблей получили возможность увидеть почти весь турецкий флот: шестнадцать линейных кораблей (один 100-пушечный, один 96-пушечный, четыре 74-пушечных, восемь 60-пушечных, две 50-пушечные каравеллы), шесть 40-пушечных фрегатов, до шестидесяти бригантин, шебек, полугалер и других судов. На их борту находилось 15 тысяч человек и 1430 орудий. Русская эскадра уступала врагам по численности почти вдвое, насчитывая всего девять линейных кораблей, три фрегата, три пинка, один пакетбот (второй разбился у берегов Мореи), тринадцать зафрахтованных и призовых судов, на которых было 6500 человек и 608 орудий. О своих впечатлениях от этого зрелища главнокомандующий Алексей Орлов писал императрице: «Увидя такое сооружение, я ужаснулся и был в неведении, - что мне предпринимать должно?»

В ночь на 24 июня на «Трех иерархах» собрался совет, в котором участвовали Алексей и Федор Орловы, Г.А. Спиридов, Д. Эльфинстон, С.К. Грейг и генерал Ю.В. Долгоруков. На совете был разработан план атаки турецкого флота: кильватерной колонной спуститься на противника почти параллельно его боевой линии и атаковать с короткой дистанции (50-

70 м). План этот был смелым и новаторским, он ломал привычные каноны линейной тактики, и именно в этом была его сильная сторона. Итак, в соответствии с диспозицией, утром 24 июня русская эскадра двинулась на неприятеля.

Первая колонна (авангардия) находилась под командованием самого Г.А. Спиридова. Ее составляли флагманский линейный корабль «Евстафий» под командованием капитана 1 ранга А.И. Крузе, линейный корабль «Европа» (командир капитан 1 ранга Ф.А. Клокачев), и линейный корабль «Три Святителя», (командир капитан 1 ранга С.П. Хметевский).

Вторая колонна (кордебаталия) шла под флагом главнокомандующего А.Г. Орлова. В нее входили линейный корабль «Три Иерарха» (командир капитан-бригадир С.К. Грейг), линейный корабль «Иануарий» (командир капитан 1 ранга И.А. Борисов), линейный корабль «Ростислав» (командир капитан 1 ранга В.М. Лупандин).

Наконец, третьей колонной (арьергардией) командовал Д. Эльфинстон, под началом которого были линейный корабль «Не тронь меня» (командир капитан 1 ранга П. Ф. Бешенцов), линейный корабль «Святослав» (командир капитан 1 ранга В. В. Роксбург) и линейный корабль «Саратов» (командир капитан 2 ранга А.Г. Поливанов). Остальные суда под общим командованием бригадира И.А. Ганнибала должны были прикрывать фланги атакующих колонн.

Нужно отдать должное противнику: турецкий флот за ночь хорошо подготовиться к бою. По наблюдению С.К. Грейга, «турецкая линия баталии была превосходно устроена, расстояние между кораблями было не более длины двух кораблей». Флот турок был построен в две линии: 10 линейных кораблей в одной линии, 7 линейных кораблей, 2 каравеллы и 2 фрегата - в другой, при этом расставлены они были в шахматном порядке, так, чтобы суда второй линии занимали промежутки между судами первой и могли вместе с ними вести огонь всем бортом. Таким образом, русские корабли попадали под одновременный огонь примерно 700 орудий.

При сближении с врагом Спиридов применил своего рода «психическую атаку»: суда шли на противника в полном молчании, не открывая огонь. Это молчание, при постоянном возрастании напряжения (а сближение длилось 4 часа, с 8 до 12 часов!) должно было само по себе привести турок в замешательство и недоумение. Расчет адмирала полностью оправдался: у турок сдали нервы, и они открыли огонь по русской эскадре, как только та приблизилась на расстояние выстрела. Русские корабли ответили на это молчанием: приказ был не открывать огня ранее сближения с турками на пистолетный выстрел. Только после выхода на эту дистанцию корабли открыли ответный огонь.

Первой приблизилась к врагу «Европа». Развернувшись бортом, она дала залп и медленно двинулась вдоль всей турецкой линии. Однако неожиданно ее капитан повернул на правый галс и вышел из линии. Спиридов, увидевший это и не знавший о причине такого маневра, яростно крикнул со своего мостика: «Господин Клокачев! Поздравляю Вас матросом!» Однако Клокачев виноват не был: лоцман-грек предупредил его о камнях, которые лежали у него прямо по курсу. «Евстафий» занял место «Европы». «Евстафий» стал головным в авангарде, и на него немедленно обрушился огонь с трех неприятельских кораблей. Г.А. Спиридов, в парадной форме, при всех орденах и с обнаженной шпагой, расхаживал на шканцах и хладнокровно руководил боем, подбадривая матросов.

На юте корабля гремела музыка: под вражеским огнем оркестр выполнял приказ адмирала:

Играть до последнего!

Сосредоточенный огонь неприятеля перебил на «Евстафии» снасти и лишил его способности самостоятельно передвигаться. Корабль стал дрейфовать в сторону турецкого флота - его сносило прямо на флагманский турецкий корабль «Реал-Мустафа». При этом он ни на минуту не прекращал огня, направленного на вражеский флагман. Когда «Евстафий» уперся в него бушпритом, русские и турецкие матросы схватились в ожесточенном рукопашном бою. Одному из матросов «Евстафия» удалось пробиться к кормовому турецкому флагу. Он попытался сорвать его - но правая рука была тотчас же перебита; он

повторил попытку левой рукой - то же самое. Тогда он вцепился во вражеский флаг зубами - и сорвал-таки его! Изодранный флаг был доставлен Спиридову.

В час дня огонь единорогов «Евстафия» вызвал пожар под шканцами «Реал-Мустафы». Гассан-паша, чтобы избежать плена, на шлюпке, поджидавшей у противоположного борта, ретировался на 100-пушечный корабль «Капудан-паша», а пожар на «Реал-Мустафе» продолжал разгораться, угрожая теперь и «Евстафию». В этих условиях Спиридов как старший флагман, руководивший боем, в соответствии с требованием Морского устава принял решение покинуть судно и перенести свой флаг на «Три святителя».

Едва шлюпка успела отвезти Спиридова и Федора Орлова, как рухнула охваченная огнем грот-мачта «Реал-Мустафы», и горящие обломки ее попали в открытую крюйт-камеру «Евстафия». Раздался взрыв огромной силы, а через некоторое время - второй: «Реал-Мустафа» разделил участь «Евстафия». Из всего экипажа «Евстафия» спаслись лишь его командир, капитан 1 ранга Круз, израненный и обожженный, но удержавшийся на воде за обломок мачты, 9 офицеров и 51 матрос.

Взрыв «Реал-Мустафы» вызвал панику в рядах турецкого флота. Корабли стремились отойти подальше от страшного места, чтобы не загореться и в беспорядке отходили в Чесменскую бухту. При этом паника была явно несоразмерна реальной ситуации - был потерян только один корабль, Гассан-паша спасся с взорвавшегося корабля и нашел пристанище на «Капудан-паше», откуда вполне мог руководить боем. Но и у команды этого корабля настроение было отнюдь не боевое: примерно за час до взрыва «Реал-Мустафы» он попал под ураганный огонь с «Трех иерархов», причем из-за неудачного маневра при снятии с якоря минут пятнадцать стоял под опустошительными продольными выстрелами с русского корабля. Сумятицу на турецких кораблях усиливало то, что многие из них в бегстве сталкивались друг с другом. Примерно в половине второго Гассан-бей вывел из боя последние корабли и увел их в Чесменскую бухту.

Итак, в результате боя, длившегося примерно два часа, турецкая эскадра была полностью деморализована. Однако численное превосходство по-прежнему оставалось на ее стороне. Кроме того, из-за безветрия буксируемые гребными галерами неприятельские суда легко ушли от русской эскадры, не имевшей гребных галер. У противника оставалось также преимущество в скорости хода. Однако русские корабли надежно перекрыли выход из бухты, а бомбардирский корабль «Гром» уже в 17.00 начал обстрел турецкой эскадры из мортир и гаубиц. Бомбардировка, в которой участвовали линейные корабли «Святослав» и «Три Иерарха» и пакетбот «Почтальон» продолжалась и весь день 25 июня, еще больше усиливая деморализацию турок.

Через сутки после боя в Хиосском проливе, 25 июня, в пять часов дня под председательством главнокомандующего графа Алексея Орлова на линейном корабле «Три Иерарха», на котором он держал кайзер-флаг, собрался военный совет. Моряки настаивали на решительных и немедленных действиях, чтобы не упустить благоприятный момент вынужденной парализованности противника в тесной бухте. План разгрома турок был предложен Г.А. Спиридовым и И.А. Ганнибалом. Его идея была проста: использовать в качестве брандеров транспортные суда, сопровождавшие эскадру и не представлявшие значительной ценности. Надо было нагрузить их горючими материалами (смолой в бочках, селитрой, серой в парусиновых шлангах), а палубу, рангоут и борта пропитать скипидаром. Такой брандер представлял собой смертельную опасность, если бы сумел подойти к вражескому кораблю и зацепиться за него. Для этого к бушприту и нокам рей прикреплялись крючья, которыми его команда старалась зацепить за фальшборт и надстройки неприятельского судна. Снаряжение брандеров и подбор их командиров были поручены бригадиру Ганнибалу.

Для осуществления этого замысла требовались хладнокровные и опытные офицеры, не боявшиеся рискнуть жизнью. Первыми откликнувшимися на призыв Ганнибала были капитан-лейтенант Р.К. Дугдаль, лейтенанты Д.С. Ильин и Т. Мекензи (в дальнейшем —

адмирал, именем которого названы высоты в окрестностях Севастополя) и мичман князь В.А. Гагарин. Команды брандеров тоже набирались из добровольцев.

Наступила ночь с 25 на 26 июня 1770 г. Погодные условия не благоприятствовали атаке: море было залито лунным светом. С русских судов вполне отчетливо было видно, что делает турецкий флот в бухте, куда накануне он бежал под прикрытием береговых батарей. Русские видели в свои подзорные трубы, что турецкий флот «стоит в тесном и непорядочном стоянии»: одни носами на NW (северо-запад), другие – на NO (северо-восток), «а к нам боками, несколько ж их в тесноте стоят за своими к берегу, так как в куче». Для обеспечения успеха операции были выделены линейные корабли «Ростислав», «Европа», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегаты «Надежда Благополучия» и «Африка» и бомбардирский корабль «Гром». Этому отряду под общим командованием С.К. Грейга надлежало войти в Чесменскую бухту и, вступив в бой с неприятельским флотом, вызвать смятение на турецких кораблях, отвлечь их внимание на себя, открыв этим дорогу брандерам.

«Чесменское сражение».

Художник И.К. Айвазовский

В 23.30 первым двинулся на сближение с турецким флотом Ф.А. Клокачев на своей «Европе», к часу ночи занял свое место согласно диспозиции «Ростислав», подтянулись и другие корабли. Метким огнем с бомбардирского судна «Гром» в начале второго был подожжен один из турецких кораблей, стоящих в центре бухты, с него огонь перекинулся на стоящие рядом суда. В это время по сигналу с «Ростислава» в атаку пошли брандеры. Первым был выпущен брандер капитан-лейтенанта Дугдаля; однако он не успел пройти и половины расстояния, разделявшего русскую эскадру и первую линию турецкого флота, как был замечен противником; пришлось преждевременно взорвать его и вернуться на «Три иерарха». Вторым пошел брандер лейтенанта Мекензи. Он достиг первой линии неприятельских судов, но из-за неудачного маневра его прижало к борту уже

горевшего турецкого корабля. Команда успела покинуть брандер и высадиться на берег. Там Мекензи захватил несколько мелких турецких судов, с которыми и вернулся к своим. Третье зажигательное судно повел лейтенант Дмитрий Сергеевич Ильин. К этому моменту турки, вначале ошеломленные пожарами, возобновили ураганный артиллерийский огонь по русским кораблям отряда. Грейг был вынужден в свою очередь возобновить стрельбу, и брандер очутился между двух огней! Лейтенант Ильин все же пробрался к цели. Он вплотную подвел свое суденышко к борту 84-пушечного турецкого корабля. Русские матросы крепко прицепили брандер к фальшборту турецкого корабля, затем подтянули шлюпку, спустились в нее. Тогда Ильин поджег брандер и спрыгнул в шлюпку сам. Пламя, охватившее брандер, уже ползло к рангоуту турецкого корабля, а команда его не предпринимала никаких мер для предотвращения катастрофы. Впоследствии Гассан-паша говорил, что он принял брандер Ильина за дезертира с русской эскадры, решившего сдаться в плен. Это впечатление создалось у него, когда русские открыли огонь как бы вдогонку брандеру, и поэтому он приказал не стрелять по брандеру Ильина.

После поджога своего брандера Ильин, спрыгнув в шлюпку, приказал матросам повременить грести, встал во весь рост лицом к неприятелю и, только когда убедился, что «большой корабль в огне, и пламя к парусам пришло, и оные все мачты, стены и реи загорелись», scomандовал грести. Взрыв страшной силы он услышал, уже находясь у своих: это одновременно взорвались и брандер и турецкий корабль. Взрывом разметало плававшие обломки по рейду и на палубы других неприятельских кораблей...

Хотя четвертый брандер мичмана Гагарина можно было уже не посылать, он все же был послан. Гагарин поджег его на полпути и, пересев в шлюпку, поспешил выбраться в безопасное место.

После этого корабли Грейга возобновили огонь – но это было уже излишним, турецкий флот погибал и без этого. Сам Грейг записал в «Собственноручном журнале»: «Пожар турецкого флота сделался общим к трем часам утра. Легче вообразить, чем описать ужас и замешательство, овладевшие неприятелем! Турки прекратили всякое сопротивление даже на тех судах, которые еще не загорелись. Большая часть гребных судов затонула или опрокинулась от множества людей, бросавшихся в них. Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта бесчисленным множеством несчастных, спасавшихся, топя один другого. Немногие достигали берега, цели отчаянных усилий. Страх турок был до того велик, что они оставляли не только суда, еще не загоревшиеся, и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесмы, оставленных уже гарнизоном и жителям».

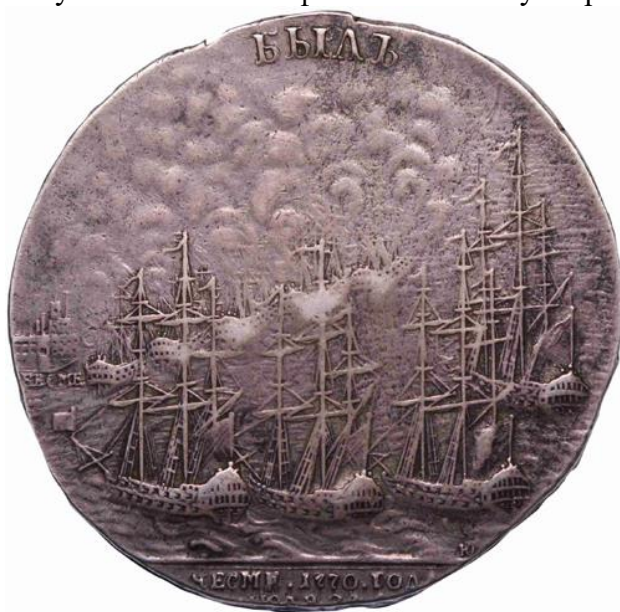
Пожар турецкого флота и взрывы кораблей продолжались до 10 часов утра. К этому времени вода в бухте представляла собой густую смесь пепла, грязи, обломков и крови.

Потери турок были огромны: в течение ночи сгорели шестьдесят три судна - линейные корабли, каравеллы, галеры, галиоты. Более десяти тысяч человек, две трети личного состава турецкого флота, погибли в огне. При этом в ходе боя в бухте русская объединенная эскадра потеряла одиннадцать человек: 8 на линейном корабле «Европа», 3 на линейном корабле «Не тронь меня».

После победы Спиридов докладывал в Петербург в Адмиралтейств-коллегию ее Президенту графу Чернышову:

Слава Богу и честь Всероссийскому флоту! С 25 на 26-е неприятельский флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили, и оставили на том месте престрашное позорище, а сами стали быть во всем Архипелаге нашей Всемилостивейшей Государыни господствующи.

В честь Чесменской победы Екатерина II велела возвести специальную колонну и церковь, а также выбить памятную медаль с изображением горящего турецкого флота и красноречивой надписью над ним: «БЫЛ». Спиридову императрица пожаловала высокую награду - орден святого Андрея Первозванного. Особой милости удостоился А. Орлов, получивший к своей фамилии почетную приставку - «Чесменский».

БЫЛЪ

Чесма была высшим достижением Г.А. Спиридова и крупнейшим успехом за время Архипелагской экспедиции. В развитие этого успеха Спиридов предлагал немедленно, пока враг не опомнился, двинуть флот к проливам и через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор выйти в Черное море. С этим планом были согласны все моряки, однако Орлов настоял на своем, и к Дарданеллам отправился Д. Эльфинстон с задачей блокировать их и не допустить подвоза подкреплений к острову Лемнос, где главные силы русских осаждали крепость Пелари. Эльфинстон с поставленной задачей не справился, более того, разбил на камнях самый большой русский корабль «Святослав». Лишь после этого Орлов отрешил его от командования и отправил в Россию. В своем приказе он писал:

«Необходимые нужды для пользы службы Ее Императорского Величества принудили меня отделенную эскадру господина контр-адмирала Эльфинстона соединить с эскадрой, под моим ведением находящейся, и препоручить обе в точную команду его высокопревосходительства господина адмирала Григория Андреевича Спиридова, о чем господа начальники судов да будут известны».

Следствием должностного преступления Эльфинстона было то, что русскому флоту пришлось прекратить действия на Лемносе, куда подошли прорвавшие слабую теперь блокаду Дарданелл турецкие подкрепления, и искать новую базу. Выбор пал на порт Аузу на острове Парос, который был занят в середине ноября 1770 г. Вскоре после этого Орлов временно оставил флот, отправившись на лечение, а Спиридов остался в качестве главнокомандующего. Он превратил Парос в хорошо обустроенную базу флота: здесь был устроен док для ремонта кораблей, возведены укрепления, сухопутные войска расположились лагерем. Сюда подходили подкрепления из Кронштадта - к лету 1771 г. флот состоял уже из 10 линейных кораблей, 20 фрегатов, 2 бомбардирских и значительного числа более мелких судов. Небольшие отряды постоянно уходили с Пароса в крейсерство, захватывая торговые суда. За 1771 г. на морских коммуникациях противника таких судов было захвачено около 180.

В начале 1771 г. Г.А. Спиридов принял в русское подданство 18 островов Архипелага, причем мечтал сохранить некоторые из них за Россией и по окончании военных действий. По его мнению, англичане или французы «не один миллион червонцев с радостью бы дали» за обладание такой военной базой в Средиземном море, как Парос и порт Ауза. К сожалению, соображения Г.А. Спиридова не заинтересовали ни А.Г. Орлова, ни П.А. Румянцева, возглавлявших русскую делегацию на переговорах о мире...

В 1772 г. русский флот продолжал боевые действия, которые, однако, не достигали прежней интенсивности. Его действия сводились к тому, что он выискивал места концентрации турецких кораблей и наносил по ним удар. Так, в марте 16-пушечным фрегатом «Слава» под стенами крепости Лагос были взяты 3, сожжены 4 и потоплены 2 турецкие грузовые судна; в июне отряд легких судов освободил от турецкой осады город Сидон и взял город Бейрут, где было захвачено 10 вражеских судов.

Летом 1772 г. было заключено перемирие с турками, которое должно было действовать по ноябрь. К этому времени здоровье Г.А. Спиридова, никогда не бывшее крепким, совсем расшаталось: «последовавшие при старости лет припадки до такого бессилия довели, что совсем одряхлел». Орлов, к тому времени уже вернувшийся к эскадре, предоставил ему отпуск в Ливорно, «в лучший перед Архипелагом климат». Перемена климата помогла: в марте 1773 г. Спиридов вернулся к эскадре, и, когда Орлов снова уехал, вновь вступил в главное командование над русскими силами. К этому времени турки уже не пытались оспорить господство русского флота на море, операции шли против прибрежных крепостей, причем случалось, что они заканчивались и довольно крупными потерями со стороны русских. Самым крупным успехом здесь был захват Бейрута отрядом капитана 2 ранга М.Г. Кожухова летом 1773 г. - операция, итогом которой был захват двух турецких полугалер с 17 орудиями, 24 крепостных пушек, большого количества оружия и боеприпасов и 300 тыс. пиастров контрибуции. Операции подобного рода, как бы незначительны сами по себе они ни были, оттягивали к азиатским берегам значительные турецкие силы и тем самым способствовали победе в ходе войны.

Но оставаться в Архипелаге до победы Г.А. Спиридов не смог: его болезни снова обострились, и летом 1773 г. он подал в отставку, жалуясь на постоянные припадки и головные боли. А.Г. Орлов поддержал его просьбу. Было ли это сделано из неприязненных чувств? Едва ли. Главнокомандующий всегда давал о Спиридове самые лестные отзывы, несмотря на все трения между ними по конкретным вопросам. Скорее всего, состояние здоровья адмирала действительно оставляло желать лучшего, а острая нужда в его талантах уже отпала, так что можно было позволить ему покинуть флот. В феврале 1774 г. Спиридов, сдав эскадру вице-адмиралу А.В. Елманову, отбыл в Россию. Отставка была почетной: за

многолетнюю безупречную службу и исключительные заслуги адмиралу оставили по день смерти «полное жалование его чина».

Монета в честь 300-летия российского флота с барельефом Г.А. Спиридова

Вернувшись в Россию, Григорий Андреевич прожил еще 16 лет. За эти годы он лишь однажды надел свой парадный мундир - при получении известии о победе Ф. Ф. Ушакова при Фидониси. Старый адмирал по праву мог гордиться - победу Ушакову принесло сознательное повторение того маневра, который сам он проделал при Хиосе - выведение из строя вражеского флагмана. Но если у самого Спиридова это вышло во многом благодаря случайности, то для Ушакова это стало главным методом достижения победы в боях с турками! Умер Спиридов за 2 месяца и 18 дней до Керченской победы эскадры Ушакова. Погребли адмирала в его имении, селе Нагорном Ярославской губернии; для многих соседей он был к тому времени всего лишь захудалым помещиком из отставных военных. В последний путь его провожал старинный верный друг Степан Хметевский, командир «Трех иерархов» при Чесме.

Литература:

Тарле, Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг / Е.В. Тарле Сочинения в 12-ти томах.- М.: 1959. Т. 10.

Чернышов, А.А. Великие сражения русского парусного флота /А.А. Чернышов.-М.: 2010.

Юнга, Е.С. Адмирал Спиридов. Герой Чесмы: Краткий очерк жизни и деятельности /Е.С. Юнга.- М.: 1957.

30.01.2023 г

Подготовила Зав. библиотекой Коптева Н.А.